

Г. КЛЕЙС, Д. ХОДЖСОН, П. КРУК, Л. КЛАРК, А. КЕЛЛИ

СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ: ИСТОКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 316.3
ББК 60.531.3
К48

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Василий Бавыка.

Клейс Г., Ходжсон Д., Крук П., Кларк Л., Келли А.

К48 Социальный дарвинизм: истоки и интерпретации. —
М.: Тотенбург, 2025. — 200 с.

Что такое социальный дарвинизм и как он соотносится с теорией эволюции Дарвина? Как дарвинизм повлиял на социальную теорию? Каким образом социальный дарвинизм связан с евгеникой? Почему дарвинизм иногда связывают с нацизмом и насколько это обоснованно? На эти и многие другие вопросы читатель найдет ответы в этой книге. Материалы данного сборника состоят из статей известных историков и экономистов, которые дают различные интерпретации феномену социального дарвинизма.

**УДК 316.3
ББК 60.531.3**

© Василий Бавыка,
перевод с английского, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ? 4

Грегори Клейс

ВЫЖИВАНИЕ НАИБОЛЕЕ

«ПРИСПОСОБЛЕННЫХ» И ИСТОКИ

СОЦИАЛЬНОГО ДАРВИНИЗМА 13

Пол Крук

СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ: КОНЦЕПЦИИ..... 40

Джеффри Ходжсон

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДАРВИНИЗМА

В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ

ЖУРНАЛАХ: ИСТОРИЯ ТЕРМИНА 65

Линда Кларк

СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ ВО ФРАНЦИИ..... 111

Альфред Келли

СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ

И ЕГО ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ В ГЕРМАНИИ 136

Грегори Радик

ДАРВИНИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ..... 171

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ?

Вопрос о сущностном наполнении термина «социальный дарвинизм» до сих пор вызывает ожесточенные дискуссии. Зачастую это словосочетание вызывает в воображении образ человечества, охваченного жестокой борьбой за существование, в результате которой «выживает сильнейший», а точнее наиболее приспособленный. Анализ современной научной литературы и публицистики, так или иначе поднимающей тему социального дарвинизма (или социал-дарвинизма), демонстрирует, что историков интересует в большинстве случаев не социал-дарвинизм как таковой, а мера ответственности Чарльза Дарвина за то, что его теория стала служить идеологическим целям. Социал-дарвинизм ныне прочно ассоциируется с расизмом, евгеникой и нацизмом и воспринимается как нечто неполиткорректное и противоречащее стремлению к справедливости. И если связь с расизмом действительно прослеживается достаточно явно, то связь социал-дарвинизма с нацизмом весьма спорна. Английский экономист Джеффри Ходжсон не без оснований считает, что многие исследования из наследия социал-дарвинизма опираются на предвзятую оценку этого явления, появившуюся в 1930-е годы и усилившуюся после Второй мировой войны. Ходжсон отмечает, что табу, наложенное в этот период на междисциплинарные исследования в области социологии и биологии, отразилось практически на всех научных работах последующего периода¹. В своей

¹ См. Мухатаев, П. Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в западной и отечественной историографии конца XIX — начала XXI века // Самарский научный вестник. Сер. Исторические науки и археология. — 2016. — № 4(17) — С. 126–133.

статье «Концепция социального дарвинизма в англоязычных академических журналах: история термина», с которой читатель сможет ознакомиться в данной книге, он подробно разбирает эволюцию данного понятия в англоязычных изданиях как в Европе, так и в США и призывает вообще отказаться от него, поскольку, по его мнению, оно идеологизировано.

Действительно, если бросить взгляд назад, то кажется, что идеологические причины продолжающегося неприятия дарвинизма в общественных науках были в значительной степени необоснованными и пагубными. По сути, социальный дарвинизм служил инструментом блокирования и исключения биологических идей из сферы социальных наук, что в конечном счете препятствовало любому теоретическому обмену между естественными и социальными науками и, более того, препятствовало прогрессу в других научных областях, таких как социобиология (в частности, во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов против социобиологии использовался «полемический концептуальный шаблон социал-дарвинизма», и эта обвинительная риторическая стратегия была довольно успешной). После Второй мировой войны метафоры «естественного отбора» и «борьбы за существование» в их применении к человеческому обществу стали прочно ассоциироваться с этически неприемлемыми доктринами расового превосходства и апологией «безжалостных законов рынка».

Итак, что же такое социал-дарвинизм? По мнению большинства современных исследователей, в основе представлений о социальном дарвинизме лежит идея естественного отбора — социал-дарвинизм, таким образом, характеризуется сведением закономерностей генезиса человеческого общества к законам биологической эволюции и принципам борьбы за существование и естественного отбора в качестве решающих факторов обществен-

ного развития. В частности, словарь по политологии под редакцией В. Н. Коновалова определяет социал-дарвинизм как «социологическую теорию, которая интерпретирует общество на основе законов естественного отбора и борьбы за существование, сформулированных Ч. Дарвином в середине XIX века»². В политической энциклопедии конца прошлого столетия социальный дарвинизм определяется как «совокупность идеологических течений и концепций второй половины XIX–XX веков, распространяющих биологические законы и принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных к социальной и политической жизни»³. В свою очередь в учебнике по конфликтологии отмечается, что «идея социального дарвинизма заключается в распространении на общественную жизнь учения английского биолога Чарльза Дарвина (1809–1882), объяснявшего выживание живой природы путем естественного отбора в результате постоянной борьбы за существование между видами... Исходя из этого, социальная жизнь может быть объяснена теми же закономерностями, что и биологическая»⁴.

Майк Хокинс в своей книге «Социальный дарвинизм в европейской и американской мысли 1860–1945», отмечая, что теория естественного отбора Дарвина составляет ядро современной теории эволюции, определяет социальный дарвинизм как «мировоззрение», а не как идеологию. Это мировоззрение представляет собой совокупность предположений о природе и человеческой натуре, которые придавали естественному отбору актуаль-

² Цитата по: Политология: Краткий словарь / Под ред. В. Н. Коновалова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.

³ См. Политическая энциклопедия / рук. проекта Г. Ю. Семигин. — В 2 т. — М.: Мысль, 1999.

⁴ Иголеви́ч, Н. И. Основы конфликтологии: учебное пособие / Н. И. Иголеви́ч, Е. Ф. Ященко. — Челябинск: Цицеро, 2012. — С. 15.

ность и смысл. Он перечисляет следующие составные элементы этого мировоззрения:

1. Биологические законы управляют всей органической природой и человеком как биологическим организмом;

2. Рост населения, влияющий на количество ресурсов, порождает борьбу за существование;

3. Физические и психологические особенности, которые дают преимущество их обладателям в этой борьбе, передаются по наследству;

4. Наследственность и естественный отбор с течением времени способствуют появлению новых видов и исчезновению старых;

5. Все вышеперечисленное распространяется не только на физические свойства людей, но и на их социальное существование и психологические характеристики, которые играют важную роль в общественной жизни — в частности, на религию и мораль.

Таким образом, подавляющее большинство (если не все) аспектов культуры — религию, этику, политические институты, расцвет и падение империй и цивилизаций, а также психологические и поведенческие особенности — можно объяснить путем применения этих принципов⁵.

Точка зрения Хокинса подвергалась критике со стороны других исследователей, например Джеффри Ходжсона. Он считает, что в критических публикациях о социальном дарвинизме преобладает сомнительная практика: сначала исследователь составляет набор признаков, которые, по его мнению, соответствуют значению этого термина (эти предполагаемые атрибуты могут включать расизм, национализм, евгенику, индивидуализм и т. д.), а затем проводят поиск по предполагаемым признакам. Найдя подходящих авторов (часто по их отдельным высказываниям), исследователи называют их социал-дарви-

⁵ Hawkins, M. *Social Darwinism in European and American Thought, 1860–1945: Nature as Model and Nature as Threat*. Cambridge University Press, Cambridge, 1997. pp. 31.

нистами, даже если сами они никогда не использовали этот термин и никогда не упоминали Дарвина⁶. С помощью подобных методов в социал-дарвинисты можно записать как Адольфа Гитлера⁷ (несмотря на то, что ни Дарвин, ни теория эволюции напрямую не упоминаются в «Майн кампф», а Гитлер не разделял идею о том, что человек произошел от обезьяны), так и многих либертарианских индивидуалистов, т. е. всех, на кого так или иначе повлияли идеи Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера (который считается одним из «отцов-основателей» социал-дарвинизма, хотя сам он не использовал этот термин).

Как отмечает Джеффри Ходжсон, Хокинс не просто полагает, что биология не может играть существенной роли в объяснении человеческих феноменов, отрицая идею о том, что культурные явления можно рассматривать с биологической точки зрения, но и вслед за Толкоттом Парсонсом вообще предлагает запретить использование фундаментальных дарвиновских концепций в области социальных наук. Однако у человеческих способностей есть существенные биологические и физические ограничения, и глупо было бы это отрицать. Кроме того, называя одних мыслителей социал-дарвинистами за их ссылки

⁶ Geoffrey, M. Hodgson. Social Darwinism Revisited: How four critics altered the meaning of a near-obsolete term, greatly increased its usage and thereby changed social science, *Journal of Evolutionary Economics*, 13, May 2024, pp. 1–25.

⁷ Хокинс подчеркивает, что Гитлер «демонстрировал последовательную приверженность принципам социального дарвинизма». Несомненно, Гитлер почерпнул некоторые идеи из учений Дарвина и Мальтуса, однако он существенно модифицировал их под свою идеологию, поэтому, как отмечает Ходжсон, оценку Хокинса следует считать слишком преувеличенной. Немецкий историк Вернер Мазер в своей книге «Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность» отмечал, что «в мировоззрении Гитлера существенную роль наряду с господствующим историческим подходом играли биологизм, особенно псевдодарвинизм, религиозный монотеизм и враждебный церкви вульгарный либерализм», а историк Райнер Цительманн вслед за Хокинсом утверждает, что «Гитлер был убежденным социал-дарвинистом» (см. Цительманн, Райнер. Гитлер: мировоззрение революционера. — Москва: Социум. — 2024). В свою очередь Роберт Ричардс в своей работе «Был ли Гитлер дарвинистом?» доказывал, что Гитлер дарвинистом не являлся.

на Дарвина и Спенсера, Хокинс при этом оправдывал левых теоретиков, ссылавшихся на Дарвина. В частности, Карл Маркс и Фридрих Энгельс достаточно часто ссылались на Дарвина, а в борьбе за существование, которая является движущей силой эволюции, К. Маркс обнаружил аналогии с классовой борьбой. Так, в письме Лассалю 1861 году он писал: «Очень значительная книга Дарвина, она годится мне как естественнонаучная основа понимания исторической классовой борьбы»⁸. А на похоронах Маркса Энгельс сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл законы развития органического мира, Маркс открыл законы развития человеческой истории»⁹. Энгельс также утверждал, что «капитализм влечет за собой дарвиновскую борьбу за существование, которая переносится с природы на общество». Это говорит о том, что капитализм, по крайней мере частично, может быть проанализирован с использованием дарвиновских концепций. Однако согласно критериям, установленным Парсонсом и Хокинсом, применение дарвиновских теорий при анализе социально-экономических систем подразумевает принятие социального дарвинизма. Если следовать такой логике, то получается, что Маркс и Энгельс были социал-дарвинистами?¹⁰

Критикуя подход Хокинса, который, как уже было сказано выше, существенно расширил список социал-дарвинистов, Джеффри Ходжсон, возможно, несколько перегибает палку, однако в целом его критику можно назвать обоснованной. Можно согласиться с его выводами: «...труд Хокинса о социальном дарвинизме содержит ряд серьезных аналитических ошибок. Его предвзятое изло-

⁸ Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 30. 1961, с. 475.

⁹ Цитата по: Разумовский, И. П. Курс теории исторического материализма [Текст]. — 3-е изд. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928.

¹⁰ Geoffrey, M. Hodgson. Social Darwinism Revisited: How four critics altered the meaning of a near-obsolete term, greatly increased its usage and thereby changed social science.

жение дарвиновских принципов делает их менее адаптируемыми и приемлемыми для социологов. Хокинс использовал социальный дарвинизм в качестве обвинения против социологов, вдохновленных дарвиновскими идеями, опасаясь, что они могут выступать за защиту рынков и конкуренции. Начиная с 1944 года нападки на «социальный дарвинизм» приобрели характер левого крестового похода, который антидарвинисты только приветствовали. Все это тормозило развитие социальных наук¹¹. Однако какой бы обоснованной ни была эта критика, она тем не менее не слишком приближает нас к объяснению феномена социального дарвинизма.

Существует два полярных подхода к изучению феномена социал-дарвинизма — если подход Парсонса и Хокинса заключается в том, что этот термин, по сути, используется для описания любого, кто применял основные дарвиновские концепции в социальных науках, то историк Роберт Баннистер (как и Ходжсон), напротив, указывал на то, что мыслителей, называвших себя «социальными дарвинистами», вообще не существовало, как не существовало и школы, продвигавшей социальный дарвинизм¹². Роберт Баннистер доказывал, что к концу XIX века термин «социал-дарвинизм» использовался довольно редко, а созданная Ричардом Хофштадтером Г. Спенсеру репутация одного из главных социал-дарвинистов является результатом неверной трактовки взглядов английского философа и социолога. С точки зрения Баннистера, описанный Хофштадтером «социал-дарвинизм» — миф, изобретенный американскими интеллектуалами левых взглядов для идеологической дискредитации оппонентов.

Итак, исходя из различных интерпретаций, социал-дарвинизм называли «социологической теорией», «идео-

¹¹ Там же.

¹² См. Bannister, R. C. (1979) *Social Darwinism; Science and Myth in Anglo-American Social Thought*. Temple University Press, Philadelphia.

логией», «течением в обществоведении» и «мировоззрением». Какого-либо единого определения этого понятия не существует, поскольку оно служит своего рода обозначением целого ряда весьма разнородных идейных течений. Зоран Ковачевич в своей докторской диссертации «Идеи дарвинизма в классико-реалистической теории международных отношений» отмечает, что «в отличие от научных теорий, социальный дарвинизм стремился распространить идеи Дарвина на человеческое общество и международную политику. Концепция социального прогресса и успеха рассматривалась социал-дарвинистами как отражение принципов естественного отбора, подразумевающего врожденное превосходство и лучшую приспособленность одних групп по отношению к другим. Иными словами, социальные дарвинисты пытались применить эволюционные принципы, такие как «борьба за выживание» и «выживание наиболее приспособленных», для обоснования различных социальных, экономических и политических идеологий... Нравится нам это или нет, но социал-дарвинисты были по-своему последователями Чарльза Дарвина и его теории эволюции. Социальный дарвинизм, возможно, и не опирается на строгие научные доказательства, но в число его основных принципов входят биологический детерминизм, борьба за выживание, конкуренция, материализм и капитализм, основанный на принципе невмешательства»¹³.

Опять-таки тезисы Ковачевича (а это достаточно распространенная трактовка социал-дарвинизма) могут показаться спорными, но дело в том, что говоря о социал-дарвинизме, мы практически всегда сталкиваемся не с собственно термином, а с тем, что можно было бы предложить в качестве его значения, то есть с набором признаков, о чем писал Д. Ходжсон. Проблема в том, что со-

¹³ Kovačević, Zoran D. Ideas of Darwinism in the Classical-Realist Theory of International Relations. University of Belgrade — Faculty of Political Sciences, 2024.

циал-дарвинизм представляет собой достаточно размытое и весьма неоднородное тематическое пространство, сформировавшееся вокруг слов «борьба» и «естественный отбор». По этой причине интерпретации феномена социального дарвинизма разнообразны и неоднородны, из-за чего с его определением всегда возникала путаница, что неудивительно, учитывая, что в большинстве случаев те, кого называли социал-дарвинистами, сами себя таковыми не называли.

В данной книге, в которой будут представлены научные работы историков и социологов, придерживающихся различных позиций, будет предпринята попытка дать объяснение феномену социального дарвинизма без идеологических клише.

Василий Бавыка

Грегори Клейс

ВЫЖИВАНИЕ НАИБОЛЕЕ «ПРИСПОСОБЛЕННЫХ» И ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОГО ДАРВИНИЗМА

В конце сентября 1838 года 29-летний молодой человек, бывший студент-медик и натуралист-любитель, который провел несколько лет, исследуя флору и фауну южной части Тихого океана, читал книгу и ломал голову над вопросом, почему одни «благоприятные вариации» определенного вида сохранялись, в то время как «неблагоприятные» — уничтожались¹⁴. Работой, вызвавшей интерес Чарльза Дарвина, было эссе Томаса Роберта Мальтуса «Опыт закона о народонаселении», опубликованное в 1798 году. Эта книга, как он позднее утверждал, впервые натолкнула его на мысль о том, что «наиболее приспособленные особи, как правило, выживают», концепцию, которую он позже популяризировал с помощью понятия «борьбы за существование». Концепция борьбы за существование подразумевала, что учение Мальтуса применимо ко всему животному и растительному миру¹⁵.

Публикация книги «Происхождение видов» в 1859 году ознаменовала собой значительное событие в истории, названное «величайшим событием правления королевы

¹⁴ Francis Darwin (ed.), *The Life and Letters of Charles Darwin* (3 vols.; London, 1888), I, pp. 83.

¹⁵ Charles Darwin, *Origin of Species* (London, 1859), ch. 3; фразу «выживает наиболее приспособленный» (или «выживает сильнейший») Дарвин ввел только в пятом издании «Происхождения видов», 1872 года. См. Robert Mackintosh, *From Comte to Benjamin Kidd: The Appeal to Biology or Evolution for Human Guidance* (London, 1899), pp. 63. Дарвин писал, что «сохранение благоприятных индивидуальных различий и вариаций и уничтожение вредных я назвал естественным отбором, или выживанием наиболее приспособленного».

Виктории»¹⁶ и «безусловно, самым важным событием в истории современного западного мира»¹⁷. Хорошо известно, что восхищение Дарвина работой Мальтуса не было уникальным среди натуралистов того времени. За год до выхода «Происхождения видов» другой молодой человек по имени Альфред Рассел Уоллес, которому тогда было 25 лет, вспоминал, что после прочтения книги Мальтуса ему внезапно пришла в голову идея о «выживании наиболее приспособленных»¹⁸. Уоллес теперь известен как соавтор теории естественного отбора — 1 июля 1858 года выдержки из трудов Дарвина и Уоллеса относительно естественного отбора были впервые представлены широкой публике на чтениях в Линнеевском обществе.

В данной статье рассматриваются некоторые важные истоки концепции «выживания наиболее приспособленных», которая возникла в XIX веке и стала основой для многих социальных и политических теорий, связанных с естественным отбором¹⁹. Утверждается, что эссе Мальтуса не просто оказало влияние на Дарвина и Уоллеса, но и сыграло важную роль в развитии ими теории естественного отбора.

Это ставит под сомнение предположение о неявной причинно-следственной связи, логически присущей понятию «социальный дарвинизм»²⁰, согласно которому большая часть социальной и политической теории, кото-

¹⁶ Sidney Low and Lloyd Saunders, *The History of England During the Reign of Victoria* (London, 1911), pp. 455.

¹⁷ Benjamin Kidd, *The Science of Power* (London, 1919), pp. 43.

¹⁸ «Затем мне внезапно пришло в голову, что этот процесс естественного отбора неизбежно улучшит расу, потому что в каждом поколении менее приспособленные особи неизбежно вымрут, а более приспособленные выживут, то есть выживут наиболее приспособленные». Alfred Russel Wallace, *My Life: A Record of Events and Opinions* (London, 1908), pp. 190.

¹⁹ Стандартным изложением эволюционных теорий в этот период остается работа Дж. Барроу «Эволюция и общество», которая, однако, исключает социальный дарвинизм.

²⁰ См. R. J. Halliday, «Social Darwinism: A Definition», *Victorian Studies*, 14 (1971), 389–405.

рая номинально ссылалась на дарвинизм, была в основном основана на принципах естественного отбора, а не подкреплена им. Это ставит под сомнение представление о том, что логика научных открытий в естественных науках породила параллельные или производные концепции в социальных науках и что «выживание наиболее приспособленных» возникло сначала как природное явление, а затем превратилось в социальную концепцию. Напротив, предполагается, что специфические черты социального дарвинизма были результатом нескольких интеллектуальных сдвигов в Англии середины Викторианской эпохи, на которые Дарвин также отреагировал и которые существенно повлияли на его собственное мышление.

Несомненно, в этом утверждении о причинно-следственной связи есть доля истины. Дарвин был чрезвычайно начитанным и влиятельным человеком. Мы хорошо знаем о великих теологических дебатах, связанных с его именем в поздневикторианской Англии, включая контратаку на Дарвина со стороны епископа Уилберфорса в 1860 году и упорную войну на истощение, которую вел «бульдог Дарвина» Томас Генри Хаксли, который ввел термин «агностик» в 1869 году для описания отсутствия научных доказательств существования Бога²¹. Много было написано о моральной панике и растущей потере религиозной веры, что совпадает с курсом «вынужденного агностицизма» самого Чарльза Дарвина. Этот агностицизм вытекал из его вывода о том, что люди были низведены до положения простых животных и лишены какого-либо особого провиденциального творения или божественного замысла в продолжении своего вида. В истории этот вывод придал огромный импульс поиску законов общественного развития. Дарвин укрепил индивидуализм

²¹ См. «Agnosticism», in T. H. Huxley, *Collected Essays* (London, 1894), V, pp. 209–62.

Герберта Спенсера и Генри Мэна²², но также заложил основу для более коллективистских представлений о деятельности государства²³. В области философии морали Дарвин вызвал бурную дискуссию о том, какую роль в социальном развитии должен играть альтруизм. Многие не знают о сложном процессе, в результате которого в ответ на моральный вакуум, созданный эволюционизмом, были разработаны различные светские этические концепции, уходящие корнями в дарвинизм, такие как воля к власти Фридриха Ницше (*Wille zur Macht*) и учение о сверхчеловеке²⁴. С распространением доктрины о том, что «Сила есть право», на сферу международных конфликтов и интерпретацией дарвинизма «с точки зрения эффективности, основанной на силе»²⁵, война между нациями в период интенсивного внутриевропейского экономического, военного и имперского соперничества все чаще рассматривалась как полезное средство проверки критериев выживания²⁶. Эгоизм, как личный, так и на-

²² См. похвалу Мэна «благотворной частной конкуренции, которая побуждает одного человека стремиться превзойти другого и сохранить свое положение в силу закона выживания наиболее приспособленных» (*Popular Government*, London, 1885, 50).

²³ Холланд Поуз (*The Rise of Democracy* [London, 1898], 166), утверждал, что влияние теорий Дарвина «расширило и усложнило проблемы, которые были актуальны для предыдущего поколения. Тогда споры бушевали главным образом по вопросу о естественных правах, в частности о праве личности участвовать в управлении государством. Сейчас борьба идет между теми, кто хотел бы укрепить авторитет государства, и теми, кто хочет свести к минимуму его роль в отношениях с частными лицами, особенно относительно частной собственности, претензий компаний и вытекающих компаний и вытекающих из этого экономических или социальных вопросов».

²⁴ Согласно Бенджамину Кидду (*The Science of Power*, 57, 59), «учение Ницше представляло собой интерпретацию популярного дарвинизма, изложенную с энергичностью и страстью гения».

²⁵ *Ibid.*, 39. Типичный пример такого акцента на эффективности можно найти в работе W. H. Mallock, *Aristocracy and Evolution* (London, 1898), 92.

²⁶ Согласно Леонарду Хобхаусу (*Democracy and Reaction* [London, 1904], 85), «те, кто применял теории Дарвина к социальным наукам, как правило, не утруждали себя глубоким пониманием самого Дарвина. Социальный и политический дискурс того периода пронизывало представление о том, что вековая доктрина "Кто сильнее, тот и прав" находит свое научное обоснование в законах биологии».

циональный, казался предопределенным законом социальной эволюции. Оказание помощи слабым посредством любой формы взаимопомощи рассматривалось сродни выступлению в роли «извечного противника прогресса»²⁷. Таким образом дарвинистское мировоззрение, «основанное на зубах и когтях»²⁸, казалось бы, узаконивало как социальные, так и международные конфликты. Действительно, к 1900 году социал-дарвинистские идеи «борьбы», «приспособленности» и «выживания», воплощающие вечную гоббсовскую «войну всех против всех» (индивидуальную, национальную и т. д.), стали повсеместными и определяющими современные тенденции в европейском и американском интеллектуальном дискурсе.

И все же для интеллектуального историка, интересующегося тем, как эволюционируют сами идеи, остается решающим вопрос: в какой степени эти открытия следует приписывать самому Дарвину и насколько они отражают ранее существовавшее направление мысли?²⁹ С самого начала нам следует с осторожностью относиться к утверждениям о том, что это «влияние» — самое порочащее слово в истории идей — либо распространялось в одном направлении, либо было сосредоточено исключительно на Чарльзе Дарвине. На самом деле Дарвин относительно поздно включился в дискуссию, охватывавшую социальную теорию, а также биологию и ряд других дисциплин. На это указывают несколько факторов: мы знаем, что Дарвин не был автором термина «выживает наиболее приспособленный» или «выживает сильнейший»³⁰. Эта

²⁷ Leonard Hobhouse, *Social Evolution and Political Theory* (London, 1911), 22.

²⁸ О «военных метафорах» см. Paul Crook; and James R. Moore, *The Post-Darwinian Controversies* (Cambridge, 1979), pp. 75–100.

²⁹ Предыдущие примеры этого направления исследований см., в частности, в работах R. M. Young, «Malthus and the Evolutionists: The Common Context of Biological and Social Theory», *Past and Present*, 93 (1969), 109–41; Kenneth Bock, «Darwin and Social Theory», *Philosophy of Science*, 22 (1955), 123–34.

³⁰ Дарвин («Жизнь и письма Чарльза Дарвина» [1888], III, 45–46) использовал этот термин в 1866 году, написав Уоллесе: «Я полностью согласен со всем,

честь принадлежит Герберту Спенсеру, который сегодня наиболее известен как основатель социологии, и Чарльзу Дарвину, а также Альфреду Уоллесе, которые были великими эрудитами и философами своего времени³¹. Спенсер ввел этот термин в 1852 году в статье, посвященной теории народонаселения, предположив, что внутривидовая борьба, в значительной степени спровоцированная ростом популяции, привела к «прогрессу», когда выживание видов растений и животных зависело от их плодovitости. (Спенсер считал одним из важнейших критериев прогресса рост численности населения, полагая, что координация усилий огромного количества людей требует иных принципов организации³²). Получается, что идеи Мальтуса вдохновили как Дарвина, так и Уоллеса, а также Спенсера.

В связи с этим я утверждаю, что концепция «социального дарвинизма», которая вращается вокруг идеи «выживания наиболее приспособленных», в значительной степени ошибочна. Большая часть того, что мы ассоциируем с этим понятием, было известно более чем за полвека до публикации «Происхождения видов» в 1859 году.

что вы говорите о преимуществах превосходного выражения Г. Спенсера «выживает наиболее приспособленный». Между тем это не приходило мне в голову, пока я не прочел Ваше письмо. Однако серьезным недостатком этого термина является то, что им неудобно пользоваться как существительным, в сочетании с глаголами; я делаю вывод, что это возражение правильно, из того, что Г. Спенсер постоянно использует термин «естественный отбор». Прежде я думал, вероятно несколько преувеличивая, что было бы полезно объединить естественный и искусственный отбор; это и заставило меня пользоваться общим термином, и я до сих пор считаю это преимуществом».

³¹ Об Уоллесе см. Raphael Meldola, *Evolution: Darwinian and Spencerian* (Oxford, 1910), 44, а о Дарвине Darwin, *The Life and Letters of Charles Darwin*, II, 141.

³² Herbert Spencer. «A Theory of Population Deduced from the General Law of Animal Fertility», *Westminster Review*, ns 1 (1852), 501. Этот «прогресс» происходил из улучшений индивидуального характера или «типа» (посредством ламаркистского наследования приобретенных признаков), определяемых не телеологически обусловленным божественным принципом, а движением от «бессвязной однородности к последовательной гетерогенности», или от простых форм к сложным (см. Herbert Spencer, *First Principles* (2 vols.; London, 1911), I, 291). Теория эволюции Спенсера была основана на принципе возрастающей отдачи Адама Смита.

Мы можем способствовать еще большей путанице, называя дарвинизм «научным мальтузианством» или, в качестве альтернативы, переопределяя «социальный дарвинизм» как «социальный спенсеризм»³³. Но, по крайней мере, я полагаю, мы можем сделать вывод, что открытия Дарвина не вызвали революции в социальной теории, а напротив, привели к переосмыслению, с помощью теории о биологическом наследовании признаков, существующих идей, основанных на мальтузианской и экономической концепции «борьбы за существование». Это позволит нам более точно сосредоточиться на непосредственном вкладе Дарвина в этот процесс, на том, когда «социальный дарвинизм» возник как интеллектуальное движение. Однако сначала нам нужно установить истоки дарвиновской «метафоры».

Социальный дарвинизм

В самом последнем исследовании Майка Хокинса на эту тему, озаглавленном «Социальный дарвинизм в европейской и американской мысли, 1860–1945», выделяются четыре основные предпосылки, лежащие в основе социал-дарвинистского мировоззрения: во-первых, биологические законы управляют всей органической природой, включая человека; во-вторых, рост численности населения приводит к нехватке ресурсов и порождает борьбу за существование; в-третьих, физические и психические особенности дают индивидам преимущество в этой борьбе или в сексуальной конкуренции, и эти преимущества могут передаваться по наследству; и, наконец, в-четвертых, со временем

³³ О влиянии Мальтуса на Спенсера см. R. M. Young, «The Development of Herbert Spencer's Concept of Evolution», *Actes du XIe congrès internationale d'histoire des sciences* (Warsaw, 1967), II, 273–79.

кумулятивный эффект отбора и наследования приводит к появлению новых видов и вымиранию других.

Эти доктрины охватывают широкий спектр интеллектуальных точек зрения, объединенных их опорой на квазибиологические и органицистские интерпретации социальной эволюции, классовых различий и бедности, а также этапов расового и национального развития³⁴. По этой причине было бы ошибочно предполагать, что существовала единая «политика» социального дарвинизма, или классифицировать все формы социал-дарвинистской мысли как, по своей сути, нелиберальные. На самом деле, в ряде случаев эволюционистские взгляды подкрепляли либеральные аргументы. Например, в книге Уолтера Бэджота «Физика и политика» (1872) либеральная демократия рассматривалась как наиболее многообещающий путь к прогрессу и высшим формам общественного развития. Это объяснялось тем, что политическая свобода обеспечивает более широкое распространение конкурирующих идей. Аналогичным образом экономист Уильям Грег рассматривал естественный отбор как радикальный, антиаристократический идеал, подчеркивая важность поощрения достижений, а не социального статуса³⁵. К середине 1880-х годов «социальная проблема» вновь стала предметом общественных дебатов и широко интерпретировалась через призму социального дарвинизма. В своей книге «Дарвинизм и политика» (1889) новый либерал Дэвид Ричи придал социал-дарвинизму коллективистский оттенок, утверждая, что государство может

³⁴ Их популярность была во многом обусловлена появлением социальных наук в конце XIX века, растущим различием между индивидуалистическими и коллективистскими политическими теориями, популярностью ура-патриотического империализма в последней трети XIX века и растущей международной напряженностью и экономической конкуренцией в десятилетие, предшествовавшее 1914 году. Эти факторы часто порождали представление о том, что Англия «вступила в новую фазу борьбы за национальное выживание» (Arnold White, *Efficiency and Empire* [London, 1902], 112).

³⁵ См. W. R. Greg. «Non-survival of the Fittest», in *Enigmas of Life* (London, 1872).

способствовать социальной эволюции, избавляя индивидов от постоянной борьбы за средства существования. Эта идея получила дальнейшее развитие в таких работах, как «Социальная эволюция» Бенджамина Кидда (1894) и в работах Хаксли³⁶. Связь дарвинизма с анархизмом была исследована Кропоткиным, в то время как сам А. Уоллес связывал ее с социализмом³⁷.

Таким образом, различные формы социального дарвинизма объединяет не конкретная политическая позиция, а применение идеи эволюции к концепции социальной иерархии, основанной на социальной конкуренции между «подходящими» и «непригодными» группами и индивидами. «Пригодность» или «ценность» этих групп и отдельных лиц для общества может быть определена различными способами. Давайте теперь рассмотрим, как эти идеи формировались в первой половине XIX века, обратившись к наиболее распространенной модели социальной конкуренции того периода, представленной концепцией естественной свободы Адама Смита, значительно дополненной эссе Мальтуса «Опыт закона о народонаселении».

Мальтус

В общих чертах основные положения «открытия» Мальтуса хорошо известны. В конце десятилетия интенсивных политических дебатов, в ходе которых радикализм демократической теории Пейна столкнулся с более спекулятивным утопизмом Уильяма Годвина, Мальтус утверждал, что при отсутствии должных препятствий население растет в геометрической прогрессии, в то время

³⁶ David Ritchie, *Darwinism and Politics* (London, 1901), vi; *The Principles of State Interference* (London, 1891), 50

³⁷ Краткое изложение теории социализма приведено в книге Карла Пирсона «Социализм и естественный отбор», *The Fortnightly Review*, NS 62 (1894), 1–21.

как производство предметов потребления только в арифметической прогрессии. Т. е. скорость роста населения значительно больше, чем увеличение предметов потребления. Этот элементарный естественный факт для Мальтуса фатально подрывал любую идею о резком и внезапном социальном развитии. У. Годвин и Ж. Кондорсе были главными героями первого издания эссе; позже их место займут планы Роберта Оуэна по переселению бедных в сельские социалистические общины.

Согласно теории Мальтуса, первородный грех, проявляющийся в форме сексуального влечения, неумолимо ускоряет рост населения до тех пор, пока его не обуздают «позитивные сдерживающие факторы», такие как война и нищета. (Во втором издании эссе рамки «сдерживающих мер» были расширены и включали в себя также моральные ограничения). Общество не формируется по рациональному, творческому замыслу; оно всегда действует в рамках ограничений, налагаемых низменными, инстинктивными желаниями. Бедные, в частности, слишком много плодятся: это главная причина их бедности. Общество не может позволить себе содержать их, поэтому их проблемы нельзя объяснить исключительно недостатками социального или политического устройства. Мальтус считал эти причины «всего лишь перышками на поверхности» по сравнению с более глубокими причинами порочности, которые омрачают весь ход человеческой жизни³⁸. Основная идея эссе Мальтуса, в том виде, в каком его часто интерпретировали в XIX веке, была враждебна правозащитному дискурсу радикальных социальных и политических реформаторов, а также аналогичным современным представлениям о праве бедных на благотворительную помощь³⁹. После голодного года (1800–1801), который пришелся на период между публикацией перво-

³⁸ T. R. Malthus, *An Essay on the Principle of Population* (London, 1798), 177.

³⁹ См. Winch, *Riches and Poverty*, 249–405.

го и второго изданий эссе, Мальтус еще больше укрепился в своем неприятии идеи права бедных на помощь. В издание 1803 года он включил примечательный и впоследствии широко известный отрывок, который знаменует собой зарождение нашей «метафоры»:

«Человек, пришедший в уже занятый мир, если его не могут прокормить родители и если общество не нуждается в его труде, не имеет законных прав даже на самую малую часть средств к существованию и в сущности, он лишний на земле. На великом пиру, устроенном природой людям, для него нет места. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести свой приговор в исполнение, если кто-то из ее гостей не проявит к нему сочувствия. Однако если эти гости встают и освобождают для него место, немедленно появляются другие незваные гости, требующие того же одолжения. Обещание угощения для всех пришедших наполняет зал бесчисленными претендентами. Таким образом гармония и порядок нарушаются, и изобилие превращается в дефицит, а счастье гостей рушится из-за зрелища нищеты»⁴⁰.

Возможно, стоит подчеркнуть, что Мальтус не хотел, чтобы это видение было жестоким по своей сути или приводящим к агностическим выводам. На самом деле, он рассматривал принцип народонаселения как вдохновленный Богом механизм, направленный на то, чтобы, несмотря на человеческую природу, которая «инертна, медлительна и не склонна к труду... побуждать человека содействовать благим замыслам Провидения посредством дальнейшего возделывания земли»⁴¹. Тем не менее мно-

⁴⁰ Цитируется в книге Патриции Джеймс — *Population Malthus: His Life and Times* (London, 1979), 100. Мальтус далее подчеркивал, что «никакого существенного улучшения нельзя добиться без отказа в законном праве». Этот отрывок стал отражением самых крайних взглядов Мальтуса и впоследствии часто использовался против него.

⁴¹ *Essay on Population* (London, 1798), 363. Теодицея Мальтуса заключалась в том, что «зло существует в мире не для того, чтобы вызывать отчаяние, а чтобы стимулировать к действию». Там же, стр. 217. Подробнее об этом

гим читателям можно простить то, что они не заметили более тонкие этические и политические последствия такой позиции⁴². Мальтус, конечно же, выступал за постепенную отмену законов о бедных, чтобы гарантировать, что естественный ход событий не будет нарушен вмешательством человека. Он утверждал, что благотворительная помощь не помогала бедным, а скорее ослабляла их шансы на выживание, препятствуя обретению независимости, способствуя росту населения и поощряя праздность без расширения производства продовольствия. Новый закон о бедных от 1834 года, вводил обязательную систему работных домов, основанную на принципе «меньшей приемлемости» (суммы пособий должны были заведомо уступать зарплатам от любой работы, а условия для их получения должны были быть сложнее), предлагал разделить мужей и жен и был направлен на проведение различия между «достойными» и «недостойными» бедняками «в зависимости от степени их благоразумия или трудолюбия»⁴³. Основная цель этого подхода — обеспечить, чтобы те, кто живет в бедности, сами отвечали за свое содержание (некоторые даже предлагали заставить нищих женщин продавать свои волосы⁴⁴), по праву рассматривается как плод идей Мальтуса, возвращенных в интеллектуальной среде бентамизма. В 1834 году считалось, что бедность в первую очередь обусловлена личностными особенностями. Оказание помощи бедным не

см. в работах D. L. LeMahieu, «Malthus and the Theology of Scarcity», JHI, 40 (1979), 467–74; J. M. Pullen, «Malthus Theological Ideas and their Influence on his Principle of Population», History of Political Economy, 13 (1981), 38–54.

⁴² Более раннюю критику, высмеивающую отношение Мальтуса к рабочему классу как «не только бесчеловечное, но и несправедливое», см. в книге Charles Hall, Observations on the Principal Conclusions in Mr. Malthus's Essay on Population (London, 1805), 338–40. О развитии мальтузианской полемики в целом см. Kenneth Smith, The Malthusian Controversy (London, 1951).

⁴³ Mountifort Longfield, Four Lectures on the Poor Laws (London, 1834), 57.

⁴⁴ R. A. Soloway, Prelates and People: Ecclesiastical Social Thought in England 1783–1832 (London, 1969), 162.

позволяло им обеспечивать себя самостоятельно. Мы находимся всего в одном шаге, хотя и значительном, от эволюционной идеи о том, что помощь «непригодным» может подорвать естественное развитие расы.

Меланхолический пессимизм Мальтуса по отношению к тем «несчастливым людям, которые в великой лотерее жизни не выиграли ни гроша», смягчался его предположением о том, что определенная благотворительность по отношению к бедным необходима и что меры государственного вмешательства (в частности, хлебные законы) оправданы. Однако критерий такой поддержки имеет решающее значение для моей аргументации. Мальтус считал, что бедным следует оказывать помощь не исходя из их потребностей или на основе заслуг или добродетели, которой обладает благотворитель. Вместо этого его модель основана на необходимости накопления общественного фонда избыточного продукта, или капитала, за счет которого каждый мог бы получать поддержку. Поэтому было «естественно и справедливо», что те, кому принадлежала доля этого продукта, помогали тем, кто был способен и желал «приложить свои усилия для получения дополнительного избыточного продукта»⁴⁵. Таким образом, революция Мальтуса заключалась в популяризации нового толкования благотворительности в соответствии с принципом экономической причинно-следственной связи. В условиях, когда праздность демонизировалась, как это происходило во времена национальных потрясений, способность производить теперь стала необходимым условием для получения помощи. Как и все остальные, бедные должны были сами содержать себя.

⁴⁵ Malthus, *Essay on Population* (London, 1798), 205.

Мальтузианство и политическая экономия

Мальтус рассматривал общество через призму органической аналогии, в соответствии с которой аналогичные принципы управляли как миром животных, так и миром людей. Он проводил четкое разделение между людьми, которые приносят пользу обществу (с точки зрения производительности), и теми, кто этого не делает, и рассматривал права человека как неотъемлемо связанные с производительностью труда. Конкуренция как естественный отбор определяла выживание «наиболее приспособленных» и обнищание и голод менее успешных⁴⁶. Конечно, у нас нет теории наследственных признаков, в которой эта «приспособленность» передавалась бы по наследству. Однако у нас есть символический образ, который очень подходит для эпохи, когда полезность ценилась превыше всего и в которой такая концепция функционировала не как наука, а как социальная теория.

На формирование концепции «выживания наиболее приспособленных» повлияли и другие противоречия. Дед Дарвина, Эразм Дарвин, популяризировал идею органической борьбы в нескольких своих работах⁴⁷. В чрезвычайно популярной книге Роберта Чемберса «Остатки естественной истории сотворения мира» (1844) говорилось о более низких шансах на выживание тех, кто был «недостаточно одарен». Еще большее влияние оказали дискуссии вокруг чрезвычайно популярных работ в области френологии, таких как «Строение человека» Джорджа Комба

⁴⁶ Действительно, термин «приспособленность» присутствует в утверждении (сделанном Мальтусом в 1798 году), что жизненные трудности позволяют некоторым людям достичь «таких высоких качеств и способностей, которые, по видимому, указывают на их пригодность для более высокого положения» (Malthus, *Essay on Population*, с. 352). См. Ritchie, *Studies in Political and Social Ethics* (Лондон, 1902), 5.

⁴⁷ Особенно в его известной поэме «Храм природы, или Происхождение общества» (London, 1803).

(1828)⁴⁸ или «Основы геологии» Чарльза Лайелла (1833), в которых, как отмечал Дарвин в «Происхождении видов», часто рассматривалась концепция «всеобщей борьбы за существование»⁴⁹. Первые попытки исследовать эволюцию человека были предприняты, в частности, лордом Монбоддо. Социологические теории Огюста Конта внесли значительный вклад в интеграцию эволюционных концепций в сферу социальных наук. Идеи о функциональной полезности войны для устранения «непригодных» из числа «пригодных» также были развиты Фергюсоном, Гегелем и другими.

Кроме влияния Мальтуса и Дарвина стоит отметить еще несколько факторов, способствовавших популяризации образа конкурентной борьбы и идеи «выживания наиболее приспособленных», которые часто связывают с истоками социального дарвинизма⁵⁰. За полвека, следовавшие за публикацией в 1776 году книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», классическая политическая экономия превратилась в важнейшую объяснительную систему, которая в конеч-

⁴⁸ Френология часто воспринималась как меритократическая и расистская по своей природе. После публикации книги Дарвина «О происхождении видов» ее быстро связали с дарвинизмом, о чем свидетельствуют такие работы, как George Combe, *The Constitution of Man* (London, 1869) и Roger Cooter, *The Cultural Meaning of Popular Science: Phrenology and the Organisation of Consent in Nineteenth-Century Britain* (Cambridge, 1984).

⁴⁹ Лайелл оказал на Уоллеса даже большее влияние, чем на Дарвина. Более подробно об этом см. в работе R. M. Young, «Malthus and the Evolutionists», pp. 129–33. Об использовании Дарвином термина «борьба» смотрите, в частности, статью Peter Bowler, «Malthus, Darwin, and the Concept of Struggle», *JHI*, 37 (1976), pp. 631–50.

⁵⁰ Взаимосвязь между экономическим принципом невмешательства и социальным дарвинизмом, особенно в Соединенных Штатах, конечно, давно признана. См. например R. J. Halliday, «Social Darwinism: A Definition», *Victorian Studies*, 14 (1971), pp. 396–97. Социалисты, в частности, активно подчеркивали эту взаимосвязь см. G. Bernard Shaw (ed.), *Fabian Essays in Socialism* (London, 1889), 28. Однако во многих классических работах о Дарвине и дарвинизме, таких как William Irvine, *Apes, Angels, and Victorians: Darwin, Huxley and Evolution* (New York, 1959), мало говорится о Мальтусе и еще меньше о политической экономии.

ном итоге стала доминирующей социальной наукой современной эпохи, а ее сторонники — верховными жрецами современной цивилизации. Конечно, существовали многочисленные вариации политической экономии, и немалое сопротивление (в основном консерваторов и социалистов) распространению идеалов свободной торговли. Однако примерно в 1820 году начала формироваться четкая ортодоксальность, чему в значительной степени способствовала публикация в 1817 году основополагающего труда Давида Рикардо «Принципы политической экономии и налогообложения». Мальтузианские идеи о том, что заработная плата рабочего класса должна оставаться на уровне прожиточного минимума, которые транслировались в данной работе, в значительной степени способствовали восприятию политической экономии как «мрачной науки».

Таким образом, политическая экономия обеспечила технический словарь и основу для объяснения того, как мальтузианские идеи борьбы могут быть истолкованы в терминах социального класса и экономической конкуренции. Более того, не будет преувеличением утверждать, что достижения в этой новой области науки произвели сейсмический сдвиг в представлениях о нациях и международном порядке. Концепция *homoeconomicus* никогда не могла полностью заменить *homo politicus*. Однако современное понимание международной экономической конкуренции, основанной на производительности, результативности и накоплении капитала, в значительной степени вытеснило представление о том, что основной вклад граждан в национальное процветание заключается в их добродетели, патриотизме и доблести на поле боя.

Если «приспособленными» странами считались те, которые способны сохранять конкурентное преимущество перед своими соседями, то «приспособленными» индивидами в политической экономии считались те, кто за-

нимался производительным трудом. Различие между производительным и непроизводительным трудом было ключевым для аргументации Адама Смита в «Богатстве народов». Смит определял труд как производительный только тогда, когда он увеличивает стоимость товаров длительного пользования, которые можно обменять на «количество труда, равное тому, которое первоначально произвело его». Напротив, «непроизводительный труд» не производил ничего, что впоследствии потребовало бы затрат эквивалентного объема труда.

Моральные аспекты концепции Смита оставались центральными в самосознании британцев XIX века. В этой версии трудовой теории стоимости мы имеем дело с идеалом полезности, ценности или «приспособленности», который все чаще рассматривался как отдающий предпочтение капиталистам-предпринимателям и рабочим, а не землевладельцам (если использовать три основных экономических класса, определенных Д. Рикардо). Джон Стюарт Милль, один из самых выдающихся экономистов середины XIX века, продолжал придерживаться этой концепции⁵¹. Мы также знаем, что Спенсер, который утверждал, что каждый гражданин должен «выполнять такую функцию или долю функций, которая эквивалентна по ценности тому, что он потребляет»⁵², и поддерживал «бедность неспособных, несчастье неосмотрительных и нищету лентяев»⁵³, также разделял подобные взгляды. Ранние социалисты также были привержены идее сокращения непроизводительного труда и максимального увеличения производительного труда⁵⁴. Политэкономы, ко-

⁵¹ Как выразился Милль в 1844 году, «в зависимости от объема производительного труда и потребления в стране, страна... обогащается: в зависимости от объема непроизводительного труда и потребления страна беднеет». John Stuart Mill, *Works* (Toronto, 1975), IV, pp. 283–84.

⁵² Herbert Spencer, *The Study of Sociology* (London, 1874), 347.

⁵³ Spencer, *Social Statics* (London, 1850), 323

⁵⁴ См. например John Gray, *A Letter on Human Happiness* (London, 1825).

нечно, обычно не предполагали, что менее конкурентоспособные секторы экономики в буквальном смысле «вымрут» в результате столкновения с более конкурентоспособными, а скорее полагали, что они адаптируются ради блага всей экономики. Однако не может быть никаких сомнений, что эти предположения связаны с другими идеями о прогрессе в этот период, и что дарвинизм, в свою очередь, внес свой вклад в эту дискуссию после 1859 года⁵⁵.

Это была не просто техническая дискуссия в рамках политической экономии; скорее, был конфликт между различными идеалами общественного блага. Логика «конкуренции», как национальной, так и международной, была широко популяризирована в Британии к середине века, особенно в ходе дебатов вокруг профсоюзов в 1820-х годах и отмены хлебных законов в 1840-х годах. Идеи конкуренции использовались писателями из среднего и рабочего класса, особенно после принятия Закона о реформе 1832 года, для продвижения идеи меритократической политической и экономической системы. Эта система, известная как «карьера, открытая для талантов», была противопоставлена системе, основанной на «старой коррумпции» и семейных связях. К середине века эти идеи получили широкое признание, что привело к тому, что Гарольд Перкин назвал «триумфом предпринимательского идеала». В соответствии с этим идеалом социальный статус основывался на владении капиталом, а не на унаследованном ранге или состоянии. Конкуренция рассматривалась как беспристрастный арбитр успеха⁵⁶.

⁵⁵ Например, William Hearn, *Plutology, or the Theory of the Efforts to Satisfy Human Wants* (London, 1864), pp. 345–46. Уильям Хирн один из первых политэкономов, процитировавших Дарвина, особо отметил ценность его «сурового, но благотворного закона» естественного отбора для общества и связал эту теорию с Мальтусом.

⁵⁶ См. Harold Perkin, *The Origins of Modern English Society 1780–1880* (London, 1969). Успех «предпринимательского идеала», конечно, впоследствии подвергался критическому анализу, например, в работе Martin Wiener, in *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit* (Cambridge, 1985).

Раса, борьба за существование и социальный дарвинизм

До сих пор я утверждал, что ко времени публикации книги Дарвина «О происхождении видов» в 1859 году метафорическое применение принципа «выживает сильнейший» было весьма распространено. Мальтузианство и политическая экономия создали мировоззрение, в котором выделялись три основные элемента — человечество подчиняется законам природы; скудные ресурсы приобретаются за счет больших умственных и физических усилий; и поэтому выживать в этом мире должны «наиболее приспособленные» и ценные/полезные члены общества. Эти идеи, трансформировавшиеся в вездесущие викторианские понятия «респектабельности» и «характера», в которых проводилось различие между праздностью и трудолюбием, предусмотрительностью и расточительностью, стали основой самоидентификации эпохи. Понятие «характер» часто использовалось в качестве термина для обозначения (по словам Уоллеса), «совокупности умственных способностей и эмоций, которые составляют личную или национальную идентичность». «Характер» рассматривался как средство предотвращения эволюционного вырождения и, в духе Эдварда Гиббона, был призван остановить варваров у ворот нового Рима⁵⁷. Тем не менее термин «социальный дарвинизм» не совсем неточен. Что же в таком случае было новаторского в социальном дарвинизме и что являлось в нем отчетливо «дарвинистским»? По этому поводу напрашиваются четыре тезиса.

Во-первых, в 1850-х годах появилась новая концепция, согласно которой не индивидуальные и коллективные моральные усилия и образование, а унаследованные черты характера играют определяющую роль в характере

⁵⁷ Wallace, *Social Environment and Moral Progress* (London, 1913), 4.

народа⁵⁸. Однако эта точка зрения также может быть связана с концепцией эволюционного прогресса Спенсера. Мальтус сформулировал концепцию борьбы за существование. Дарвин, Уоллес и Спенсер, в свою очередь, развили ее, предположив, что эта борьба не только улучшает биологический вид, но и порождает новые виды посредством наследственной передачи признаков.

Во-вторых, применение концепции наследуемых признаков к обществу было основано не только на источниках, не связанных с работой Дарвина, но и на его собственных идеях, которые претерпели значительные изменения в период между публикацией «О происхождении видов» (1859) и «Происхождением человека» (1871). «Происхождение», конечно, не было связано с человеческой и тем более социальной эволюцией, и его социальные последствия не обязательно были оптимистичными. Действительно, как только идеи Дарвина стали применяться к обществу, стало широко признанным, что если «приспособленность» измеряется плодовитостью, то именно самые бедные и деградировавшие классы, для которых характерны большие семьи, вероятно, должны были определять дальнейшую траекторию человеческой эволюции⁵⁹. К середине 1860-х годов Дарвин был полон решимости опровергнуть этот вывод. В этом стремлении он обратился за помощью к исследованию Уоллеса 1864 года о склонности естественного отбора развивать человеческий интеллект⁶⁰. Он также высоко оценил новаторскую статью Гальтона 1865 года «Наследственный

⁵⁸ См. например Kidd, *The Science of Power*, 265.

⁵⁹ Хаксли утверждал, что со стороны Дарвина было ошибочно использовать формулировку Спенсера «выживает наиболее приспособленный» «из-за двусмысленности термина "наиболее приспособленный", который часто интерпретируется как "наилучший" или "сильный", в то время как естественный отбор в действительности может способствовать деградации» (цитируется по книге James Allen Rodgers, «Darwinism and Social Darwinism», 278).

⁶⁰ См. Wallace, «The Origin of the Human Races and the Antiquity of Man Deduced from the Theory of Natural Selection», *Anthropological Review*, 2, (1864).

талант и характер», в которой подчеркивалось, что расовые особенности передаются «с такой же достоверностью, как и их физические особенности», и сетовал на то, что «мы живем в состоянии интеллектуальной анархии из-за нехватки выдающихся умов»⁶¹. Дарвин восхищался статьей Уильяма Грегга «О несостоятельности теории естественного отбора применительно к человеку»⁶², опубликованной в 1868 году, в которой убедительно доказывалось превосходство цивилизованных рас над дикими как следствие «естественного отбора». И он, как и многие из вышеуказанных писателей, помнил, что Спенсер настаивал на том, что развитие человека зависит не от рождаемости, а от повышения технического мастерства, интеллекта и нравственности⁶³. В результате сам Дарвин признал, что «приспособленность» человеческого вида определяется не плодovitостью, а уровнем его интеллекта.

В середине 1860-х годов сам Дарвин де-факто стал социал-дарвинистом и все чаще начинал предполагать, что идеальным результатом естественного отбора станет превосходство «интеллектуальных и нравственных» рас над «низшими и дегенеративными». Важно отметить, что это не было неизбежным следствием логики, лежащей в основе «Происхождения видов», а скорее конкретным результатом его реакции на широкий круг критиков и философов. Таким образом, «социальный дарвинизм» в этом контексте по своей сути не был «дарвинистским», а скорее результатом принятия Дарвином альтернативных интерпретаций эволюционной теории, некоторые из которых были включены в «Происхождение человека».

⁶¹ Macmillan's Magazine, 18 (June and August 1865), 166, 321. О становлении Дарвина как социального дарвиниста см. John Greene, «Darwin as a Social Evolutionist», Journal of the History of Biology, 10 (1977), 1–27.

⁶² Fraser's Magazine, September 1868. См. далее W. R. Greg, Enigmas of Life (London, 1873), 92–132.

⁶³ Spencer, «A Theory of Population, Deduced From the General Law of Animal Fertility», Westminster Review, ns. 1 (1852), 496.

В-третьих, очевидно, что этой трансформации взглядов способствовал сложный дискурс о расе. В своей основополагающей работе «Происхождение видов» Дарвин использовал термин «раса» достаточно вольно, применяя его для обозначения видов в целом⁶⁴. Хотя расовый язык в «Происхождении» Дарвина внешне похож на более ранние, более привычные рассуждения о дикости и цивилизации, которые сами по себе легли в основу оправдания имперской экспансии⁶⁵, Дарвин здесь предполагает, что «цивилизованные расы... расширяют свои владения, вытесняя низшие расы». Здесь также рассуждения о классе тесно связаны с рассуждениями о расе, поскольку Дарвин предупреждает о «вырождении расы» из-за того, что она позволяет своим худшим представителям — «очень бедным и безрассудным» — беспорядочно размножаться, в то время как «осторожные и бережливые люди, которые, как правило, добродетельны, вступают в брак в более позднем возрасте», что оказывает негативное воздействие на прогресс человечества⁶⁶. Это восприятие бедных как отдельной «расы», рода или биологического вида будет сохраняться во многих дискуссиях о бедности в 1880-х годах, так же как оно в общих чертах присутствовало в работах Мэйхью и других авторов в 1860-х годах⁶⁷. По сути, «варвары» уже были за воротами и проявляли интерес к социальной и политической власти.

⁶⁴ «Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» — таков был подзаголовок книги, опубликованной в 1859 году.

⁶⁵ Примечательно, что в знаменитом трактате «О свободе» Джон Стюарт Милль рассматривает деспотизм как законный способ правления в отношении варваров «при условии, что его целью является развитие, и действительное достижение этой цели оправдывает средства». (On Liberty [London, 1864], 23)

⁶⁶ Однако Дарвин также придерживался радикальной точки зрения Гальтона о том, что «для всех людей должна существовать открытая конкуренция, и законы и обычаи не должны препятствовать наиболее способным добиваться успеха и оставлять наибольшее число потомков» (Descent of Man, pp. 618) и аналогичным образом выступал против права первородства, выразив свое возмущение практикой британской аристократии в публикации 1864 года, заявив: «Какое позор, что право первородства разрушает естественный отбор!».

⁶⁷ Henry Mayhew, London Labour and the London Poor (4 vols.; 1861), I, 2.

В-четвертых, что было наиболее характерным для большей части социального дарвинизма, так это его интерес не к «расе» в самом широком смысле, а к определению расы, непосредственно связанному с цветом кожи, в котором идеи расовой иерархии и превосходства сочетались с более ранними понятиями «приспособленности»⁶⁸. Раса теперь рассматривалась как определяющий и независимый фактор в процессе эволюции человека⁶⁹. В частности, расовая дихотомия между так называемыми англосаксами, бриттами, греками и римлянами, которая, как предполагалось, уходила корнями в общее арийское происхождение, и небелыми расами основывалась в первую очередь на онтологическом, а не эволюционном, климатическом или культурном взгляде на общество⁷⁰. Ранее при проведении различий между европейскими и неевропейскими народами больше внимания уделялось влиянию климата на поведение (вспомним Монтескье), или относительному уровню дикости или цивилизации (см. Гиббона или Робертсона), или преимуществам древних институтов (таких как саксонская демократия, разрушенная «норманнским игом»), чем к расовым различиям как таковым. К середине столетия все большее распространение получил расовый дискурс, который был сосредоточен на биологии, а не на окружающей среде. Различные науки (в первую очередь антропология и филология) и псевдонауки (например, френология, которая пыталась соотнести типы черепа с чертами личности) и антропометрия (измерение размера черепа) объединились,

⁶⁸ Об эволюции систем расовой классификации см. Louis L. Snyder, *The Idea of Racism* (New York, 1962), а также J. S. Haller, *Outcasts from Evolution: Scientific Attitudes of Racial Inferiority, 1859–1900* (1971); и Jones, *Social Darwinism*, 140–59.

⁶⁹ Наиболее полное описание этих взглядов в Британии того периода содержится в книге Christine Bolt, *Victorian Attitudes to Race* (London, 1971).

⁷⁰ О развитии этих взглядов в целом см. Stepan, *The Idea of Race in Science*, Marvin Harris, *The Rise of Anthropological Theory* (London, 1968), ch. 4, «The Rise of Racial Determinism»; Haller, *Outcasts from Evolution*; Mike Hawkins, *Social Darwinism in European and American Thought*, 184–215.

чтобы создать более детерминированное представление о расовой иерархии. Эти идеи были основаны на предположении, что существует биологическая основа для расовых различий в интеллекте и личностных качествах. Это убеждение привело к дискуссиям о превосходстве саксов, тевтонов или европеоидов в целом, с точки зрения политических институтов, культуры и экономических показателей⁷¹. Расовый язык, который присутствовал, по крайней мере неявно, в дискурсе о цивилизации, в результате этого значительно ужесточился. Дистанция между «высшими» и «низшими» расами увеличилась, а презрительное отношение к «низшим» расам заметно возросло.

Так, Роберт Нокс в книге «Расы человека» (1850), как известно, утверждал, что «в истории человечества раса — это все», и отмечал, что голубоглазая саксонская раса готова доминировать в мире⁷². Те, кто стремится приобщиться к наследию классической древности, как, например, основатель сравнительной политологии Эдвард Фримен, подчеркивали расовую преемственность между эллинским, тевтонским и англосаксонским народами⁷³. Как и в Соединенных Штатах, где идея «явного предначертания судьбы», основанная на расовом англосаксонизме, служила оправданием имперской экспансии⁷⁴, европейский расизм конца XIX века возник в ходе

⁷¹ Об истоках этого процесса читайте, в частности, Reginald Horsman, «The Origins of Racial Anglo-Saxonism in Great Britain before 1850», JHI, 37 (1976), 387–410. О появлении расового детерминизма в период с 1830 по 1850 год, в котором особое внимание уделяется роли френологии, см. Nancy Stepan, *The Idea of Race in Science*, 20–46.

⁷² Robert Knox, *The Races of Man* (London, 1850), 411. Анализ вытеснения более ранних представлений о расе в этот период смотрите в книге Stepan, *The Idea of Race in Science*.

⁷³ Edward Freeman, *Comparative Politics* (London, 1873). Даже А. Уоллес пришел к выводу, что различия в расовом характере, по-видимому, были изначальными. См. «Evolution and Character», in Percy Parker (ed.), *Character and Life* (London, 1912), pp. 38–40. Но он был в равной степени убежден, что «этическая и моральная природа человека не претерпела заметных изменений» в процессе эволюции.

⁷⁴ Hofstadter, *Social Darwinism in American Thought*, 171–72.

борьбы за империю. Этот расизм в сочетании с новыми идеями национализма способствовал смещению акцента классового конфликта в имперский контекст. В Британии викторианская гордость переросла в невыносимое высокомерие. Таким образом восторжествовала естественная расовая иерархия⁷⁵. Герой Карлейля, сущность которого определялась не расовым происхождением, а силой его характера, теперь стал символом англосаксонского величия, а не просто великого человека. Этот сдвиг в восприятии не согласовался с интеллектуальным мировоззрением Редьярда Киплинга, согласно которому «бремя белого человека» рассматривалось как обязанность англосаксов нести цивилизацию отсталым расам. Вместо этого к 1870-м годам такие писатели, как радикал Чарльз Дилк, торжествуя провозгласили, что предназначение саксов — вытеснять более «низшие» расы путем колонизации⁷⁶. Таким образом, в последние десятилетия XIX столетия, когда опасения по поводу вырождения видов становились все более распространенными, было широко распространено убеждение, что «низшие» расы станут жертвами прогресса. Сам Дарвин в 1881 году писал, что «в недалеком будущем бесконечное число низших рас будет уничтожено высшими цивилизованными расами»⁷⁷. Герберт Уэллс также предупреждал, что если небелые расы не станут «надежными, сильными и яркими личностями, достойными великого мира будущего, то их удел — вымереть и исчезнуть»⁷⁸. Поэтому сторонники евгеники, такие как Фрэнсис Гальтон, выступали за программы селекции,

⁷⁵ Как предположил Дарвин в своей книге «Происхождение человека», и индийцы, и европейцы имеют одни и те же арийские корни. Эта идея, зародившаяся в филологических исследованиях конца XVIII века, широко обсуждалась. Более подробно об индийском контексте см. в работе G. D. Bearce, *British Attitudes towards India, 1784–1858* (Oxford, 1961).

⁷⁶ Charles Dilke, *Greater Britain* (London, 1868), 267.

⁷⁷ *Life and Letters*, I, 316.

⁷⁸ H. G. Wells, *Anticipations* (London, 1902), 317.

которые привели бы к исчезновению как «низших рас», так и низших слоев внутри доминирующих рас⁷⁹.

Таким образом, отличительной чертой социального дарвинизма стала не популяризация метафоры «выживает наиболее приспособленный» («выживает сильнейший») или «приспособленности» человека к определенным условиям, хотя это остается общепринятым определением термина. Вместо этого уникальность социального дарвинизма заключается в сочетании этих идей с четырьмя ключевыми изменениями в мышлении, о которых было сказано ранее, и в проекции квазиметафизического расового дискурса на переосмысление «приспособленности» как «интеллекта» и ассоциацию «интеллекта» с белыми расами. Интеллектуальный сдвиг, о котором идет речь, не был четко сформулирован в «Происхождении видов» Дарвина и не вытекал из ранее существовавшей метафоры борьбы, которое Дарвин и Уоллес позаимствовали у Мальтуса. Скорее он возник в результате дискуссии, развернувшейся в 1860-х годах, в ходе которой Дарвин признал применимость концепции естественного отбора к человеческому обществу, предложенной другими учеными, и интегрировал ее в свою собственную точку зрения. Впоследствии другие последовали его примеру, разрабатывая язык исключения, который был внутренне направлен на классовый антагонизм, а внешне — на расовый конфликт. Впоследствии, по крайней мере до Второй мировой войны, в социальном и политическом дискурсе навязчиво доминировали органические аналогии, которые характеризовались языком «борьбы» и «приспособленности» для описания высших и низших «видов», «характеров» и наций. Его использование для оправдания Холокоста в конечном счете обесценило его до такой степени, что он практически исчез из обихода. Вместо этого во-

⁷⁹ Подробнее см. Daniel Pick, *Faces of Degeneration: A European Disorder, 1848–1918* (Cambridge, 1989).

зобладала менее угрожающая и милитаристская концепция международной экономической конкуренции. В этой концепции «приспособленность» — это просто экономическая конкурентоспособность, а все ссылки на биологический детерминизм и расовую принадлежность были исключены. Создается впечатление, что на великом пиру, устроенном природой людям, место найдется для всех, хотя для опоздавших очередь за свободными местами по-прежнему бесконечно длинна, как и предсказывал Мальтус.